

ВОСПОМИНАНИЯ Н. М. АРДАСЕНОВА

Здравствуйте!

Предлагаю опубликовать в газете "Ударник" воспоминания моего отца Ардасенова Н.М. (полковник запаса, ушел из жизни в 2005 г.). В 1939 - 1945 г.г. он служил в Усть-Большерецке и Петропавловске. Я родился в Усть-Большерецке 16.06.1941 г., сейчас проживаю в Москве. По возможности с большим желанием посетил бы свою малую Родину.

В мае 1938 г. меня перевели из Астрахани в Сталинград на должность политрука роты 93 стрелкового полка 31 стрелковой дивизии. Год службы в Сталинграде ничем примечательным не был, если не считать то, что я осваивал основы политико-воспитательной работы. Не кривя душой, скажу, что мне такая работа не нравилась. Молодость, романтика вали в дальние края. Моя просьба была удовлетворена. В апреле 1939 г. я был назначен на должность политрука роты 233 отдельного строительного батальона (**Усть-Большерецк - Петропавловск-на-Камчатке**) Дальневосточного фронта, где проходил службу до начала 1945 г. в должности командира саперной роты 373 стрелкового полка, затем помощника начальника штаба того же полка. На этой должности я только числился, фактически же я выполнял специальное задание по оборонительным работам (1942-1945 г.г.) в неосвоенном в военном отношении суровом крае - Камчатке, ставшей для меня полевой академией, где я смог применить на практике знания, полученные в инженерном училище.

В период Великой Отечественной войны 1941 - 1945 г.г. ситуация на Камчатке временами была тревожной. Эхо войны доходило и до берегов Тихого океана, где обстановка складывалась в зависимости от ситуации на фронтах войны на Западе. В начале войны на Камчатке был создан Камчатский оборонительный район. Все воинские части заняли свои боевые участки, приступив к их инженерному оборудованию. В ходе выполнения этих работ перед частями возникали не-

С уважением, Ардасенов Валерий Николаевич
ординарные трудности. Дело в том, что инженерные работы приходилось выполнять в слабых торфяновулканических почвах, вулканического пепла, зыбкой моховой тундре, кедрового стланика, тайги, множества рек и озер, так называемых сухих рек, а часто и в мерзлых грунтах с глубоким снежным покровом, лютых морозах, пурги и полном бездорожье. В руслах сухих рек, где когда-то прошла кипящая лава, нет ни единого живого куста, ни одной травинки. Застывшие потоки вулканической лавы, усеянные огромными валунами да обугленными стволами деревьев, создавали непредвиденные трудности. Иногда бывали случаи, когда расположение воинских частей засыпало вулканическим пеплом и тогда приходилось поспешно менять их дислокацию.

В таких неординарных условиях вполне закономерно возрастали объемы инженерных работ, менялись и методы их выполнения.

Инженерные работы приобретали приоритетный характер, а сапер стал цениться, как говорят, «на вес золота». Командиры подразделений часто просили подкрепить их саперами-инструкторами. С этой целью в нашем полку были созданы краткосрочные курсы по подготовке саперов-инструкторов.

Будучи командиром саперной роты, я участвовал в строительстве дорог и мостов, выполнял минно-взрывные работы, организовывал переправу подразделений через водные преграды.

(Окончание на стр. 10)

ВОСПОМИНАНИЯ Н. М. АРДАСЕНОВА

(Начало на стр. 9)

Весной 1940 г. впервые в истории Камчатки, наша воинская часть совершила труднейший переход из Усть-Большерецка в Елизово. Во время этого перехода моя саперная рота прокладывала путь через глубокий снежный покров, обеспечивала форсирование вырвавшихся из ледового плена разлившихся рек. Наблюдавшие работу саперов местные жители восхищались четкими и бесстрашными, подчас опасными для жизни, действиями солдат.

Завершив успешно переход из Усть-Большерецка в Елизово, наша часть с хода приступила к строительству первого на камчатской земле военного аэродрома в районе селения Елизово (теперь - город). Это было время, когда чувствовалась близость войны. Вскоре она началась. Надо было видеть с каким энтузиазмом работали солдаты, выполняя по две нормы в таежных условиях. Все понимали, что наша страна ведет справедливую освободительную войну против коварнейшего врага, и делали все возможное во имя победы. Как только была готова взлетно-посадочная полоса, в воздухе появились наши истребители, благополучно совершив посадку на гладкий бетон. Из головного самолета вышел командир полковник Хлебников.

Радость людей и рокот моторов слились воедино. Солдаты кричали, прыгали, махали шапками, обнимали друг друга. Комдив разрешил нам подойти к самолетам. Молчаливым свидетелем этого радостного события был слегка дымящийся Авачинский вулкан.

Известно, что японцы вынашивали недобрые планы относительно Камчатки. В ответ на это все концессионные японские заводы на западном побережье полуострова были выдворены в 24 часа.

На командно-штабных учениях, проводимых нашим командованием, отрабатывались различные варианты отражения действий вероятного противника. Принимались и практические меры. Так, например, командование Дальневосточного фронта решило укрепить один из вероятных районов высадки морского десанта японцев Петропавловск - Нальчево. Здесь ровная береговая полоса, омываемая водами Кроноцкого залива, тянулась в северо-восточном направлении. На этом ровном и открытом участке и было решено воздвигнуть долговременные фортификационные сооружения. С этой целью в 1942 г. было сформировано специальное сводное подразделение, командование которым было поручено мне.

Летом 1942 г. подразделение прибыло в район Нальчево и приступило к работе. Условия работы требовали создания нескольких самостоятельных команд: команда подрывников, команда землеройных работ, команда по заготовке камня взрывным способом, команда по заготовке и транспортировке лесоматериалов, команда маховых пильщиков, команда кузнецов, команда охотников и рыбаков.

Команды строились по принципу взаимозаменяемости. Во всех командах были опытные специалисты. Каждый из них умел подковать, если не блоху, то коня - обязательно, сколотить сани, отремонтировать сбрую, валенки, приготовить пищу на снегу. А главное - работали один за двоих. Конечно, были серьезные трудности, но они преодолевались общими усилиями дружного солдатского коллектива. Когда закончились гвозди и поковки, солдат Коновалов смастерил станок для изготовления гвоздей из валявшихся на берегу кусков стальных тросов. Солдат Корбут оборудовал кузницу. Неприятности причиняли как мерзлые, так и сыпучие грунты. Первые разрабатывались с помощью взрывчатки, вторые укреплялись так называемой каменной березой, расколотой пополам. Были и другие трудности. Когда шквальный ветер срывал солдатские палатки, приходилось зарываться в землю. Тот же ветер нет-нет да преподносил прямо к берегу подарок - блуждающую морскую мину. Лейтенант Барышкин, изучив хитрости опасных пришельцев, ловко обезвреживал их. Временами земляные работы приходилось выполнять в

воде в резиновых сапогах. В 1943 г. резко сократился завоз продуктов в Петропавловск. Недоедание стало угрозой для здоровья солдат. Тогда из местных потомственных рыбаков и охотников были созданы команды рыбаков и охотников. В солдатский котел пошла рыба, медвежатина, дикая птица. Поднялось и настроение людей, а на берегу моря появились мощные по тем временам блокгаузы, дзоты и другие фортификационные сооружения, о которые разбивались морские волны. Саперы отлично знали свое дело. Знали и то, что сапер «ошибается один раз в жизни». Но, слава богу, ошибок таких не было. Было высокое мастерство, монолитное моральное состояние. По хватке это были львы, по находчивости и смекалке - «Теркины» Твардовского. Когда лесопильная рама вышла из строя, «солдаты-камчадалы», как мы их называли, шутя, принесли из дому маховые пилы. И тогда двенадцать пар пильщиков стали на козлы и давали обрезные доски. С поразительной стойкостью и мужеством солдаты переносили любые трудности, но переживали, когда не было махорки.

Каждый понимал, что от его труда в какой-то степени зависит победа над врагом. Каждый был готов тут же взять винтовку и ринуться туда, где решалась судьба нашей Родины. Но в этом нам было отказано. У меня была еще одна возможность попасть на фронт - проводить больную жену с двумя малыми детьми хотя бы до Владивостока. И в этом также было отказано. Спасибо моему младшему брату, который в 1944 г. приехал из Владикавказа и вывез мою семью из Петропавловска.

Потеряв надежду на выезд в действующую армию, я письменно обратился к начальнику инженерных войск М. П. Воробьеву с просьбой разрешить мне выехать на фронт. Я с надеждой ожидал положительного ответа.

Между тем, война продолжалась, порождая новые проблемы на Камчатке. Нужны были командные пункты, солдатские казармы, дома для офицеров, штабы, склады, свет и др. Душой этих мероприятий был командир полка полковник Винокуров, человек неукротимой энергии и воли. В его голове всегда зрела идея, которая не давала ему покоя. Задумал он зажечь «лампочку Ильича» в солдатской землянке и зажечь ее. Небольшая речонка рассекала территорию нашей части. Саперы построили на ней деревоземляную плотину со шлюзом. Плотники построили большое мельничное колесо, которое приводилось в движение укрошенной речкой. К валу колеса была пристроена динамо-машина. Далее все было просто. Когда в землянках загорелась «лампочка Ильича», Винокуров обнял меня и высказал новую идею - строительство банно-прачечного комбината. Он также был построен. Мой скромный труд в решении этих жизненно важных вопросов был отмечен медалью «За боевые заслуги» и фотоаппаратом ФЭД.

Осенью 1944 г. меня срочно вызвали в штаб Камчатского оборонительного района. Полковник Шилов, начальник отдела кадров, задал мне несколько тенденциозных вопросов: - Кто у Вас в Министерстве Обороны, знаю ли я маршала инженерных войск М.П. Воробьева? Убедившись в том, что я не дезертир, полковник показал мне шифровку Воробьева о моем отзыве в Главное управление инженерных войск Министерства Обороны СССР.

Только в апреле 1945 г. я попал в кабинет Воробьева. Маршал принял меня тепло и сердечно, рассказал о своей учебе во Владикавказском реальном училище, которое закончил в 1914 г., назвал фамилии сокурсников, вспоминал о Курской слободке, где он жил и участвовал в отряде самообороны в 1918 г. Узнав, что я непосредственный участник инженерных работ в районе Нальчево, Воробьев проявил большой интерес к этим работам, интересовался условиями жизни солдат.

По приказу маршала я был зачислен слушателем московской Высшей офицерской инженерно-минной школы.

Н.М. Ардасенев, г. Владикавказ, 2001г.